

готов и предложили ему корону при условии продолжения борьбы с империей²⁶.

По словам Прокопия, готы «... сильно скорбели по власти Ильдигаба, и всю свою надежду на победу они перенесли на Тотилу, его родственника, твердо надеясь, что и у него те же цели и желания, как и у них»²⁷. Вполне возможно, что призвание Тотилы к власти произошло при полном сочувствии большинства рядовых остготских воинов, поддерживавших ранее Ильдигаба и теперь искавших в родственнике убитого короля достойного вождя для продолжения борьбы с империей. Тотила охотно принял почетное предложение, и осенью 541 г. Эрарих был убит готами, составившими против него заговор, а королем был провозглашен Тотила²⁸. В момент своего избрания на остготский престол Тотила не достиг еще 30-летнего возраста²⁹, но он отличался большим умом, храбростью, энергией и, несмотря на свою молодость, пользовался значительным влиянием среди остготовов³⁰.

Однако комит Марцеллин в своем труде с горечью замечает, что избрание Тотилы королем остготовов произошло на несчастье Италии³¹. Ему вторит и историк готов Иордан, который также рассматривает выдвижение Тотилы как бедствие для всей Италии³². Подобная оценка, вполне понятная в устах сторонника империи комита Марцеллина, может, на первый взгляд, показаться несколько странной у националистически настроенного историка готов Иордана, ибо после Теодориха никто не принес такой славы племени остготовов, как Тотила. Отрицательная оценка Тотилы Иорданом объясняется, по-видимому, прежде всего стремлением автора показать свою полную лояльность по отношению к империи, всячески черняя ее самого опасного врага; с другой стороны, она, несомненно, была обусловлена, в конечном счете, социальной направленностью политики Тотилы, вызывавшей недовольство не только у сторонников империи, но и у представителей высшей остготской знати, идеологом которой и был Иордан.

В своей борьбе с империей остготская знать стремилась вернуть себе потерянные земли и богатства. Она не желала уступить римским рабовладельцам, возвращавшимся теперь в Италию, свои земельные владения, не хотела терять свою власть и влияние. Но в то же время большая часть остготской знати не желала также идти и на серьезные уступки народным массам. История всей предшествующей борьбы в Италии показывает это. И только страшное поражение, во многом обусловленное предательством самой же остготской знати, а также отсутствием поддержки со стороны народных масс, заставило уцелевших вождей остготовов серьезно призадуматься над дальнейшими судьбами своего племени. Сама логика борьбы с рабовладельческой империей, вновь протянувшей свои щупальцы к Италии, вынудила наиболее дальновидных вождей остготовов пойти на временный союз с народными массами и использовать в своих интересах широкое народное движение, развернувшееся в Италии.

²⁶ Procopius. De bello Gothico, III, 2, § 11.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibid., § 18; Iordanis Romana, § 379; Pauli Diaconi Historia Romana, cap. XVI, § 22; Marcellini comitis Chronicon, a. 541, § 2; a. 542, § 2; Liber pontificalis. Vita Vigilii, cap. 7; Excerpta Sangallensia, 701; MGH, Auct. ant., t. IX, p. 334.

²⁹ Procop., III, 9, § 15; Iordanis Romana, § 379.

³⁰ Procop., III, 2, § 7.

³¹ Marcellini comitis Chronicon, a. 542, § 2.

³² Iordanis Romana, § 379.